

Рик Райт разбивает «китайский фарфор» и ловит от этого кайф

Взв. клуб. - 1996 - 10 окт. - 44,5

Сегодня у нас снова есть повод вспомнить о группе Pink Floyd или, иными словами, о музыке, которая любима миллионами людей на Земле. Правда, не о группе целиком, а лишь об одном из «флойдовцев» — клавишнике Рике Райте. Вчера (т.е. 9 октября) у Райта был праздник — состоялась мировая премьера его нового сольного альбома «Broken China» («Разбитый фарфор»).

Накануне премьеры Рик Райт дал пространное интервью (в котором, кстати, много говорится и о Pink Floyd) лондонскому журналисту Марку Блейку, а тот в свою очередь предоставил его любезно газете «Джоркер». Интервью это эксклюзивно и пока еще не опубликовано ни в одном зарубежном издании. Так что читатели нашей газеты, среди которых, надеемся, немало поклонников величайшей рок-группы XX века, будут первыми, кто его прочитает. А прочитав, узнают, чем сейчас занимается Сид Барретт, почему ушел Роджер Уотерс и когда выйдет следующий альбом Pink Floyd.

Итак, часть первая. «Разбитый фарфор»

— Что подсказало вам сделать еще одну сольную запись?

— Идея сольного альбома родилась, когда мы еще записывали последний альбом Pink Floyd «The Division Bell». Идея этой записи была, к сожалению, подсказана моим личным опытом общения с близким другом, страдающим депрессией. Я хотел выразить мои чувства обо всем, что я видел. Это не был исцеляющий процесс, так как не я был страдающим лицом, но в результате моих наблюдений я пытался разобраться со своими чувствами. Когда мы записывали «The Division Bell», я был частью всего созидательного процесса потому, что я снова писал, а не только играл на клавишах. Но я чувствовал, что процесс записи пластинки развивается не так, как нужно. Я люблю процесс записи, но мной владело большое разочарование. Как писатель вы всегда можете прийти к несогласию с людьми, с которыми вы работаете по определенным вопросам, и я чувствовал, что настало время сделать что-нибудь для самого себя, что-то личное. Мне доставляло большое удовольствие играть живьем во время турне «The Division Bell», поэтому, когда я вернулся домой, мне не хотелось сидеть и бездельничать. Так как я давно уже собирал идеи для собственного альбома, то пошел в свою студию и начал запись.

— Вы четко хотели работать с Энтони Муром?

— Определенно. Сначала я попросил его помочь со студией. Я купил компьютерное оборудование, с которым я был незнаком, и Энтони мог мне помочь его наладить. Но главной причиной пригласить его в качестве продюсера было воспоминание, как хорошо мы работали вместе над «Wearing the Inside Out». Я не хотел делать этот альбом самостоятельно, не считая себя поэтом-лириком. Для Энтони было легко понять тему альбома потому, что он понимал чувства моего друга, о котором я уже говорил, и мои.

— Вы уже упомянули, что вы были разочарованы некоторыми аспектами диска «The Division Bell». Испытали ли вы реальное чувство свободы, работая над альбомом, который был полностью вашим?

— Слово «свобода» было упомянуто несколько раз. Работая с Pink Floyd, я мог уйти, написать песню и принести ее для демонстрации остальным членам группы. И они обычно говорили, что если им песня нравится, то они ее будут использовать. Но с пластинкой «Broken China» все было совершенно по-другому. До прихода Энтони Мура у меня не было написанной музыки. Альбом был только спланирован, разработаны различные структуры: например, одна секция была в жанре симфонической музыки, а другая в роковом стиле. Но у нас не было стадии демонстрации. Мы работали в моей студии во Франции параллельно и делали там песню за песней — без демозаписей.

— Как вы решали, какие музыканты будут принимать участие в проекте?

(Среди главных исполнителей на диске: второй гитарист Pink Floyd Тим Ренвик, гитарист Доминик Миллер, басист Пино Палладино, ударник Ману Катче и вокалистка Шинед О'Коннор).

— Я видел концерт Питера Габриэля во время всемирного турне в 1994 г. — Ману Катче играл там на ударных, а я тогда уже сформулировал идею альбома. Как только я услышал его, я знал, что я хотел бы, чтобы именно он играл в «Broken China». Я послал ему свою музыку, и хотя его расписание было очень плотным, он позвонил мне, чтобы сказать, что он бы хотел играть со мной. Но только если Пино Палладино будет басистом, так как они уже много лет работали в одной команде. А Пино, между прочим, уже был моим главным выбором, и мне было радостно видеть их играющими вместе и наблюдать, как они быстро накладывали дорожки. Восемь дорожек за шесть дней — удивительно! Естественно, моим первым выбором был Тим Ренвик — из-за нашей совместной работы во время турне Pink Floyd и также из-за того, что он мой близкий друг. Он дает тебе любой звук и чувствует то, что ты предлагаешь. Потом я стал искать исполнителя на акустических гитарах. Лори Лэтэм, который был инже-

нером по сведению на дисках Pink Floyd предложил Доминика Миллера, который, хотя и работал со Стингом в это время, взял временный перерыв для работы со мной. Самым неожиданным было то, что все музыканты, с которыми я хотел работать, нашли время, чтобы прийти ко мне в студию и сыграть «Broken China».

— Почему вы выбрали Шинед О'Коннор для исполнения двух песен?

— Опять же, Шинед была моим первым выбором. Тем не менее, когда ваши любимые сейчас музыканты играют — это одно, а просить известного артиста петь — это совсем другое. Я был вне себя от радости, когда она согласилась. Я всегда знал, что мне нужна будет девушка, чтобы спеть «Reaching for the Rail» и «Breakthrough», так как эти песни — это словно лица, о которых я пишу. Для меня качество ее голоса было абсолютно совершенным в этих двух песнях.

— Вы чувствуете себя увереннее, когда сами выступаете как вокалист?

— Конечно. Сначала я думал пригласить кого-то другого спеть все мужские вокальные партии, — но не знал кого. Я быстро сообразил, что такой поступок отберет у меня альбом. И он не будет таким личным. Мне было легко — ведь запись производилась в моей домашней студии. Я мог пойти туда один и спеть все, что приходило в голову — импровизируя и иногда сочиняя совершенную лирическую чепуху. Затем я прослушивал запись, обнаруживал, что работало, а что нет, и постепенно я приобрел уверенность. Слушая записи сейчас, мне нравится звук моего собственного голоса, потому что я нашел стиль, который мне казался очень убедительным.

— Как вы рассматриваете ваши две последние сольные записи?

— Последнюю (Диск «Identity» записан с Дейвом Харрисом из группы Fashion под коллективным названием Zee и вышел в 1984 г.) я всегда рассматривал как «экспериментальную ошибку». Мы сделали всю запись на Fairlight, которая в то время считалась удивительной машиной, но которая сейчас выглядит старомодной. «Wet Dream» (мой первый сольный альбом, выпущенный в 1978 г.) был просто любительским. Он не был качественно сделан, да и тексты не были столь сильны. И все-таки я думаю, что в нем было что-то довольно привлекательное своей необычностью. Мне в самом деле эта запись сейчас нравится.

— Вы говорили о том, что в прошлом мучились из-за писательского блока. Как долго продолжалась подобная ситуация?

— Я не знаю, был ли то «писательский блок», но я стал очень ленивым. После «Identity» я поселился в Греции, и окружающая среда не способствовала написанию музыки. Если вы хотите знать, я потерял вдохновение. Я был счастлив оттого, что плавал на яхте вокруг греческих островов (смеется), но теперь я оглядываюсь назад и думаю: «Возможно, это была дурацкая потеря времени».

— В 1984 г. вы не были связаны с Pink Floyd (Райт покинул группу во время записи The Wall). Чувствовали ли вы реальную потребность в это время уйти из музыкального бизнеса?

— Это не было основанное на музыке реше-

ние. Это было больше решение на личном уровне, потому что я стал связан с женщиной, живущей в Греции. Я просто принял решение перебраться туда к ней. Я не делал это с намерением удалиться из музыкального бизнеса. Но однажды я проснулся и подумал: «Боже! Что я делаю?» Поэтому я позвонил Дэйву (Гилмору), и мы встретились в Греции, у меня на вилле, и он сказал, что планирует сделать еще один альбом с Pink Floyd (A Momentary Lapse of Reason). Я ответил, что если ему нужен клавишник, то я бы хотел им быть. Я пришел к нему уже на половине записи и потом поехал с ними в турне.

— Теперь вы официальный член Pink Floyd?

— Да. Было хорошо принимать участие в «The Division Bell» с самого начала, чем прийти в середине работы, как я сделал в «A Momentary Lapse of Reason».

— Как вы чувствовали себя, наблюдая за группой Pink Floyd, существующей без вас, будучи участником группы с самого начала?

— Я чувствовал себя ужасно. Главной причиной моего ухода из группы было то, что Роджер (Уотерс) стал захватывать лидерство. Он написал целиком диск «The Wall». Это был его кусок, и он имел право убрать его, что он и угрожал сделать, если я останусь в группе. Был большой скандал между мной и Роджером, и в конце дня я осознал, что не могу работать с этим человеком — поэтому я хлопнул дверью и ушел.

Часть вторая.
Эра Pink Floyd

— Что вы думаете об альбоме The Final Cut (первый альбом Pink Floyd без Ричарда Райта)?

— Мне очень не понравился, но я знал, что, принимая во внимание ситуацию, меня поймут превратно. Но я думаю, что если вы спросите Дэйва Гилмора или

Ника Мейсона, об этом, они также не считают этот альбом хорошим. Дело в том, что во время работы над «The Final Cut» трое из них имели огромные скандалы, закончившиеся тем, что Роджер ушел из группы. Он имел ошибочное мнение, что группа — это он, и поэтому его самолюбие был нанесен удар, когда Дэйв Гилмор решил продолжать работать без него.

— Вы ранее упоминали, что были разочарованы некоторыми аспектами «The Division Bell». Какими именно?

— Я думаю, что мы могли бы пойти дальше, чем обычно, записывая альбом Pink Floyd: больше тематики, чтобы вся музыка была бы логически связана. Я думаю, что фанатам группы это нравится. И это было как раз то, чего я хотел достигнуть в моей собственной записи. Существует много других аспектов записи, где я был счастлив, такие, как: способность сочинять. Мое влияние ощущается в таких композициях, как «Marooned» и «Claster One». Это было то, что я давал Pink Floyd в прошлом, и хорошо, что они снова это использовали.

— Вам в самом деле нравится то, что можно назвать классическим звуком Pink Floyd?

— Ну, множество людей говорят, что не следует слушать отдельные песни из «Broken China», нужно слушать все целиком. Я думаю, что в отношении Pink Floyd это было бы правдой. Что мне нравилось в альбомах — я думаю, то же, что и многим людям в Pink Floyd. Мне нравится играть такую музыку и нравится ее создавать. Я не сочинял песен — мне не нравится написать 12–15 песен и просто записать их в альбом.

— Согласны ли вы с тем, что существуют параллели между «Broken China» и музыкой

к фильму?

— Да. Когда Pink Floyd писали музыку к фильмам «Zabriskie Point» и «More», она была просто сборником песен и инструментальных пьес. Очень трудно создавать саундтрек фильма, но я знаю точно, что мне бы хотелось этим заниматься. Сочетание музыки и изображения завораживает меня, и музыка всегда очень серьезно влияет на фильм. Мне бы хотелось получить возможность написать музыку к хорошему фильму.

— Не мешает ли вам некая загадочность, которая по-прежнему окружает Pink Floyd и особенно Сид Барретта даже сейчас?

— Я думаю, что могу понять это. Если вы слушаете диск «The Piper At The Gates Of Dawn» — там необыкновенные песни — все это написал Сид. Он был удивительным человеком, и это были песни, какие никто не писал прежде — наивные, детские, но чудесные по лирике. Конечно, мы совершенствовались и полностью изменились за эти годы. Но я могу понять, почему люди хотят узнать больше о Сиде Барретте и о музыке, которую мы тогда создавали.

— Что вы чувствуете, когда последующие поколения слушают эти записи?

— Я не знаю, хорошо это или плохо. Где-то это великолепно. Интересно, что музыка, созданная в 60-е и 70-е годы, сегодня находит множество слушателей. Это было удивительно во время нашего последнего турне — играть музыку для людей, которые еще не родились в то время, когда она была написана, и тем не менее так хорошо они ее знали.

— Как вы смотрите сейчас на ранние записи Pink Floyd?

— Я испытываю некоторый страх, слушая некоторые из моих песен, такие, как «Remember A Day». В то время мы не были опытными исполнителями, но я не думаю, что именно мои песни не звучат хорошо теперь. Например «Corporal Clegg», одна из песен Роджера, так она просто плохая. Сид писал песни, затем пришли мы и вынуждены были взять это на себя, и это предполагало большую ответственность. Мы никогда не могли писать, как Сид. У нас не было такого великого воображения, как у него.

— Что вы вспоминаете об истории группы в 70-е гг., когда записывались «Dark Side Of The Moon» и «Wish You Were Here»?

— Конец 60-х гг. был чисто экспериментальным периодом в истории группы. Но это был обучающий процесс. К 70-м гг. мы окрепли и знали, что мы можем написать и что мы можем сыграть живьем. Время «Dark Side Of The Moon» и «Wish You Were Here» было очень приятным. Оглядываясь назад, можно сказать, что мы были очень заняты, и я не думаю, что у нас было время сесть и подумать, а что же мы делаем. Все время в начале 70-х мы или же были в пути, или в студии. У нас не было ни дня передышки. Вот и все, что я могу вспомнить.

— А что вы думаете спустя 20 лет об «Animals»?

— Это было трудно. Это был 1977 год, и тогда Роджер в самом деле начал верить, что он единственный создатель песен, что касается качества этого альбома, то это частично моя вина, потому что мне особенно нечего было предложить. Дэйв Гилмор, у которого что-то было, смог поместить туда только пару песен. Мне не нравится мое исполнение в альбоме, но было мало удовольствия делать запись. Если сравнить «Wish You Were Here», где мы были единой группой и был приятный творческий процесс, то на «Animals» — это была утомительная работа. Но мне было нечего предложить, в плане материала, поэтому я был в самом трудном положении.

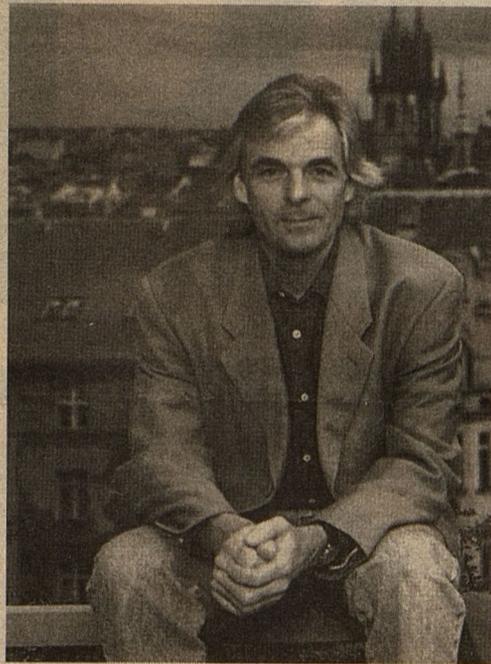
— Было ли у Pink Floyd какое-то родство с рок-группами 70-х?

— Я всегда чувствовал, что мы были сами по себе, но я всегда знал, какие группы окружали нас: Genesis, Yes и Led Zeppelin. Я все эти группы слушал, и некоторые мне даже нравились. Я всегда любил Genesis с Питером Габриэлем, но я полностью потерял интерес к группе, когда он ушел.

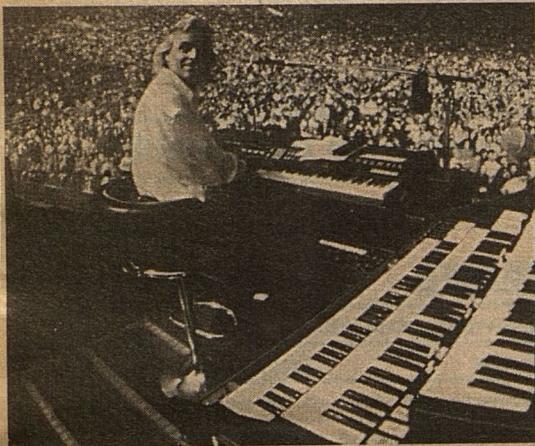
— Панк-рок значит ли что-то для вас?

— У меня было хорошее мнение о панк-музыке, потому что он возвращал меня к дням, проведенным в клубе UFO (место, где были сыграны первые концерты Pink Floyd). Наконец я подумал, что было что-то, что мы встретили, и это действительно раздвигало границы. К сожалению, мне не нравилась эта музыка, но мне нравилось это движение и такие люди, как продюсер Малкольм Мак Ларен и модельер Вивьен Вествуд. Я был весьма польщен, когда некоторые панк-группы критиковали Pink Floyd (смеется), но это меня не беспокоило. А теперь посмотрите на Sex Pistols. Они реформировались! Слишком многое из каталога Pink Floyd воспринимается почти как «неприкасаемое».

(Продолжение на сл. стр.)

130

(Окончание)

Рик Райт разбивает «китайский фарфор» и ловит от этого кайф

— Разбились ли ваши иллюзии и обнаружилось ли что-то, что бы вы хотели изменить в тех записях?

— Я думаю, это больше относится к микшированию и звуку, а не к самим песням. Я думаю, нам всем хотелось иметь тексты получше, особенно наших ранних песен, и чтобы качество звучания ударных и баса было немного лучше. Но что касается самой сущности песен, я не думаю, что мне хочется вернуться и изменить что-либо, потому что в то время все так и было. Это были мы.

— Остальная часть музыкантов из Pink Floyd уже слышала материал «Broken China»?

— Дэйв Гилмор определенно слышал что-то, потому что я просил его сыграть. Он играл на одной песне, но мы потом решили использовать другой подход, и поэтому я не использовал его гитару. Он слышал около 70% альбома, и я думаю, что он дал бы ему хорошую оценку.

— Вы часто видите остальных членов группы между альбомами и турне?

— Мы не много общаемся. Pink Floyd подобен браку, который находится на стадии постоянного пробного раздельного проживания (смеется). Мы все уважаем друг друга, но мы не являемся близкими друзьями. Вначале мы дружили, мы постоянно жили вместе 24 часа в день. Но мы тогда были молодые и не относились к нашим от-

ношениям серьезно. Сейчас мы пришли к взаимному уважению. Не более того.

— Был ли «The Division Bell» легким альбомом для вас, если сравнить, какие отношения были в последнее время в группе?

— Конечно. Я не знаю, может быть, дело в возрасте. Хотя кто-то с возрастом становится упрямым, я же всегда стараюсь от этого избавиться.

Часть третья. Сид Барретт, наркотики, будущее

— Вы были ко-продюсером второго альбома Сида Барретта (диск «Barrett» в 1970г.). Не видите ли вы себя в роли продюсера в дальнейшем?

— Быть собственным продюсером — это одно, но продюсировать кого-то другого — совсем иное. Энтони Мур мог это делать, и он это делает. Но у меня не тот характер и не то желание. Я не могу видеть себя, делающим что-то подобно Брайану Ино. Записывать Сида было интересно, но очень сложно. Дэйв и Роджер делали первую сторону альбома Барретта, а мы с Дэйвом вторую. Но тогда это было желание помочь Сида, как могли, а не забота о лучшем звучании гитары. Вы можете об этом забыть. Это был просто приход в студию и попытка заставить его петь. Так или иначе, я думаю, что оба сольных альбома Сида Барретта — интересная часть истории.

— У вас есть сегодня какой-нибудь контакт с Сидом Барреттом?

— Я прочел в журнале, что теперь он слепнет от диабета. Это очень печально. Мы не видимся с ним, потому что, если ему напомнить о Pink Floyd и о том, что он был участником группы, он в итоге на многие недели впадает в депрессию и запой. Его мать несколько лет назад попросила нас оставить его в покое. В общем, большую часть времени он проводит в нормальном настроении, но наши лица и воспоминания могут быть причиной резкого ухудшения его состояния.

— Что было причиной его депрессий — сверхдоза наркотиков?

— Кто знает. Все, что я знаю, это что его состояние очень переменчиво. Это ужасная трагедия.

— Каковы ваши взгляды на наркотики?

— Сид был подвержен влиянию многих окружающих его людей, которые одобряли его употребление наркотиков. Он не был одинок в этом. Например, такие люди, как отец движения хиппи Тимоти Лири, открыто защищали наркотики и призывали употреблять их каждый день. Неправильно? Да. Заблуждение? Да. Для меня это было неправильно. Я в своей жизни употреблял наркотики дважды. В первый раз я получил большое удовольствие. Это было до моего участия в Pink Floyd. Потом я попробовал еще, и никакого удовольствия не было, поэтому я никогда не повторял таких печальных опытов. Жизнь Сида, как и многих других людей, была разрушена именно наркотиками.

— Но музыка Pink Floyd часто характеризовалась, как возникшая под воздействием наркотиков. Вы думаете, такое предположение ошибочно?

— Если вы имеете в виду, что Pink Floyd употребляли наркотики, — вы ошибаетесь. Я лично не мог принимать наркотики и исполнять музыку одновременно.

— Вы часто слушаете, как играют другие. Испытываете ли вы влияние других клавишников?

— Я не слушаю музыку так много, как раньше, я слишком занят своей собственной музыкой и домашними делами. Я не думаю о других музыкантах как о конкурентах. У меня стиль игры на хэммонд-органа, который — хороший или плохой — это мой собственный стиль. Технически я не великий пианист. Я когда-то сказал, что мне бы хотелось играть на расстроенном фортепиано. Я слушаю Доктора Джона (Dr. John), и мне нравится, как он это делает, но может ли он играть на хэммонде, как я? Я больше композитор, чем непосредственный исполнитель. Я не могу быстро играть на пианино — я не Оскар Питерсон и я не могу читать ноты. Я их просто не знаю. Иногда мне хочется, чтобы я сел и сыграл красивый концерт для фортепиано с оркестром. Но, увы, сделать я этого не могу.

— А что дальше?

— Я чувствую удовлетворение от альбома «Broken China». Я горжусь этим. Я люблю эту работу, и теперь я живу с этим ощущением. Я уже знаю, что есть мелочи, которые можно было бы изменить, но их не так много, как могло бы быть. Это в самом деле подняло мне настроение. В следующем году я буду работать над новым сольным альбомом и, возможно, над саундтреком к фильму. Если еще раз возникнет Pink Floyd, хорошо, а если нет, то что поделаешь. А сейчас я продолжу писать музыку, если вы позволите.

— Итак, вы не планируете записываться с Pink Floyd еще?

— Когда-нибудь в будущем я спрошу Дэйва об этом: «Когда мы будем делать новую запись? — приходи». И однажды он скажет: «Я иду в студию записывать — приходи».

Люди постоянно спрашивают меня, когда Pink Floyd будет делать следующую запись, но честно, я не знаю. У нас тенденция записывать через 6–7 лет, и поскольку последний альбом был закончен в 1994 г., кто знает, может, следующий появится в 2001-м. У нас нет специфического имиджа, и нам так легче стареть. С Pink Floyd нам просто придется настоять, чтобы осветители совсем не показывали нас, и никто не увидит нас, играющих на инвалидных колясках.

XXX

В декабре в свет выходит долгожданная книга «Официальная история Pink Floyd», написанная и подготовленная к печати Ником Мейсоном. Правда, за год с момента ее написания кое-что изменилось, и теперь в авторах стоит имя Дэйва Гилмора, а Мейсону он просто «выражает благодарность за помощь в работе над книгой». В группе, как вы уже догадались, — очередной конфликт. Именно острые разногласия из-за содержания книги стали причиной, по которой Мейсон не вышел на сцену во время церемонии введения Pink Floyd в Зал славы рок-н-ролла в январе с.г.

4 октября исполнился 21 год с того момента, как диск «Wish You Were Here» достиг 1-го места в английском хит-параде.